

Skleněný
mústek
2016

ИРИНА
ЦЕЛУЙКО

ИСПОВЕДЬ

Skleněný můstek s.r.o.

Vítězná 37/58, Karlovy Vary

PSČ 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

Содержание

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

Эпилог. От автора

© Ирина Целуко 2016

© Skleněný můstek s.r.o. 2016

ISBN 978-80-7534-116-7

Здравствуй, дорогая моя любима. Прости, что так долго не был у тебя. Работа, дела закружили меня в мирской суете. Но, не думай, о тебе я не забыл, я все помню – каждую минуту, проведенную с тобой, каждый день, в котором присутствовала ты. Каждый взгляд, уроненный тобой невзначай, иногда такой милый или печальный, взгляд, переполненный нежности или страсти. Глаза, окрашенные в голубой цвет – если ты счастлива, но стоило тебе только разозлиться и они мгновенно становились зелеными или серыми – когда ты грустила. Я знал все, что у тебя творится на душе, читая, как книгу твои волшебные глаза. Я помню шелк твоих волос, раскиданных по подушке, или забранных в смешной хвостик. Твоя любимая прическа была «дулька» – это ты ее так называла, такая смешная шишка на макушке твоей головы, тебе она безумно шла к твоему красивому лбу и безумно милому личику, ты с ней становилась такой деловой и серьезной. Я помню твою лебединую шею, как же нравилось мне ее целовать, переходя плавно к твоему крохотному ушку. Твои розовые губы, их вишневый вкус я и сейчас чувствую у себя на губах. А как мне нравилось, когда ты злилась! – так смешно надувая их, и твои миленькие щечки сразу наливались алым цветом. Помню твой изящный стан и тонкую талию, облаченную в бархатную кожу. Дивный аромат твоего тела, твоих волос, до сих пор, отзываются в каждом кусочке моего сердца. Я чувствую его в каждом уголке нашей маленькой квартирке. Чувствую, в том парке, возле дома, куда мы с тобой ходили гулять, ты помнишь его? Помнишь те виковые дубы и ясени, тот маленький пруд и наглых, упитанных голубей, которые так бесцеремонно выхватывали у тебя из рук семечки или кусочки свежего, душистого хлеба, за которым мы заходили в местную пекарню за углом? Я вижу, как мы гуляем по парку, держась, за руки и ты смеешься таким задорно-заразительным смехом, тебя забавляют мои шутки, которые я придумываю на ходу. Меня ты называешь «дурындой», но я же знаю, что это любя.

Как же я любил тебя! Как же я люблю тебя. Сможет ли кто-то вытеснить тебя из моего сердца? Этот вопрос остается без ответа. Ты вихрем ворвалась в мою жизнь, изменив меня до неузнаваемости. Ты показала мне, как надо любить. До тебя я и не ведал, что значит страдать и томиться, эти два чувства были не ведомы моей душе. Ты моя любимая, дорогая, единственная – была и остаешься по сей день.

Сегодня ровно год с того страшного дня, как тебя не стало. С того дня, когда ты покинула меня навсегда. И вот, этим августовским солнечным, днем я стою перед тобой, у тебя на могиле. Сегодня, я принес тебе мои воспоминания о нас. Сегодня ночью я написал их для тебя. Ты первая, кто услышит их. Ты первая услышишь мою исповедь.

2

Ты знаешь, с детства я чувствовал себя одиноким и брошенным ребенком. Мои родители вечно были заняты, им было не до меня. Они работали день и ночь, круглые сутки. Они вечно зарабатывали, то на машину, то на квартиру, то еще на что-то, говоря, что все это они делают, только ради меня, но это ложь, все это они делали, только лишь для себя. Мой папа дипломат – Евгений Дмитриевич, я его редко когда видел, он месяцами был в командировках. Однажды, в интернете, я прочел притчу о мальчишке, который копил деньги, чтобы купить у собственного отца час времени для себя. Помнишь, эти слова, произнесенные ребенком своему отцу: «Папа, здесь ровно пятьсот. Можно я куплю один час твоего времени? Пожалуйста, приди завтра с работы пораньше, я хочу, чтобы ты поужинал вместе с нами». Я тоже был этим мальчиком, умоляющим не уезжать сегодня, побыть, хоть еще денечек дома. Но долг, деньги были важнее, они стояли на первом месте, а только потом я – его собственный ребенок.

Моя мама работала журналисткой в одной из местных газет, ее имя Марина Митрофановна. Она, как и отец, вечно отсутствовала дома. Но, и в те дни, когда у нее был выходной – меня в ее

планах не было. Она вечно сидела, уткнувшись в монитор, и печатала свои «статейки». Самым дорогим днем в году, был день, когда мы собирались всей семьей – папа, мама и я. Это был праздник моей души, отрада моего сердца. Но праздник всегда заканчивался, и жизнь продолжала идти по накатанному, циклично повторяя каждый день.

До двенадцати лет, я был бабушкиным внуком, оставаясь у нее в гостях на ночь практически ежедневно. Бабушка у меня была добрейший души человек. Все свое большое сердце она отдавала мне, недолюбленному, недохоленному и недолияянному ребенку своих родителей. Только несколько лет спустя я понял, как же обязан своей милой старушке, сколько сил и терпения она вложила в меня. Как намучалась моя бедная бабуля с внуком озорником и непоседой. Я рос дерзким, грубым, несправедливым, подчас неуправляемым. Со слезами на глазах она тащила меня домой со двора, умоляя всех богов, образумить и наставить на путь истинный этого непокорного мальчишку. Как же часто я слышал слова отчаяния, срывающиеся с ее губ: «Ну, почему в садике, все дети как дети, а с тобой вечно проблемы?» Я любил свою бабушку, но родителей я любил больше. Родителей, которых видел так редко и по которым скучал так часто.

Моих предков часто вызывали в школу учителя. Весь дневник был исписан гневными тирадами моих учителей. Но мне до этого не было никакого дела, как и родителям не было дела до меня. Я тот, кто выбивал в школе окна, играя с пацанами в футбол, тот, кто подкладывал скрепки на стулья учителям и одноклассникам, тот, кто на уроке биологии выкручивал руки и ноги школьному скелету, предварительно сунув ему в пальцы пачку сигарет и папироску в зубы. Помню, мне было двенадцать, я выкрал из папиной сумки ключи от его автомобиля, решив повыпендриваться перед пацанами. Я сел в машину и завел ее, нажав на педаль газа. Видела бы ты, что было после того, как машина тронулась – не задетым не осталось ни одного автомобиля, стоявшего у нас во дворе, прилетело всем. Двор напоминал поле битвы после Бородинского сражения. А наша машина напоминала кон-

сервную банку, по которой проехал самосвал. Мне было двенадцать, зрелище ужасало и пугало меня. Гнев отца и матери четко рисовался у меня в голове. Озлобленность материнского взгляда смешивалась с бешеными криками отца. Рисовался толстый солдатский ремень, такой упругий с железной пряжкой на конце, и хлесткие, яростные удары, оставляющие красные рубцы злости своего родителя на хрупком теле ребенка. Поэтому я решил бежать. Целую неделю меня искала милиция с собаками, высматривая каждый уголок наших улиц, заглядывая под все мосты и в каждую подворотню нашего городка. Ты спросишь меня, где же я был, где прятался все это время? Я отвечу, тебе на этот вопрос. Еще несколько лет назад мы нашли на берегу речки заброшенный шалаш, в нем-то я и сидел. Мои школьные и дворовые товарищи носили мне обед и ужин. Но мое тайное жилище было разоблачено и, спустя неделю, меня вернули родителям. Перенервничав, они даже не могли на меня и голос повысить, но наказание их для меня было суровым. Они заперли, на целых три месяца меня дома, наняв при этом репетиторов. Затем, целых три года, они контролировали каждый мой шаг, я вздохнуть не мог спокойно. На целых три года, я забыл о дворовых друзьях и развлечениях. Мне был нанят педагог, Виктор Павлович, который ежедневно занимался со мной домашним заданием, водил меня по различным кружкам и спортивным секциям. Я был каждую минуту, как узник, под присмотром надзирателя. Мой домашний «вертухай» был строг, но справедлив. Мы даже с ним были в хороших, приятельских отношениях, он многому меня научил, рассказав мне множество полезной информации. Со временем я его полюбил, но, не смотря на мое хорошее отношение к нему, все-таки я чувствовал себя одиноким узником, как в том стихотворении у Пушкина: «Сижу за решеткой в темнице сырой, вскормленный в неволе орел молодой... Мы вольные птицы; пора, брат, пора! Туда, где за тучей белеет гора, туда, где синеют морские края, туда, где гуляем лишь ветер... да я!...». Да, именно так я чувствовал себя. Мне не хватало раздолья, легкости, независимости. Мне хотелось расправить крылья, вспорхнуть к небу и лететь, чувствуя запах

вольности, открытого пространства, вдохновляясь своей независимостью и свободой.

Но всему приходит конец, и вот, родители, поняв, что я уже не тот балбес и обормот, что был раньше, ослабили свое пристальное бдение, и стал я вновь «автономной» личностью.

Какое же это было счастье снова вырваться на свободу, без надзирателей и ревизоров. Эти три года аскетичной жизни, не прошли даром. Как ни странно, но мне понравилось учиться, узнавать что-то новое, читать книжки и заниматься самообразованием, а вот поведение у меня по-прежнему хромало. Стоило мне ощутить волю-вольную, как во мне снова проснулся вкус постреленка, эдакого сорванца.

Одиннадцатый класс, я закончил на «отлично». После окончания сам поступил в институт, на бюджетное отделение юридического факультета. Учился я хорошо, а вот с дисциплиной было куда хуже. Институтские годы я вспоминаю с большим теплом. Годы веселья, больших студенческих загулов, вечеринок, бедокурства и девушек, много девушек, они менялись как осенние листья, меняющие свою окраску с зеленого на красный, быстро, а порой и мгновенно. Через день я забывал их лица и имена, я вообще о них ничего не помнил. Поэтому я шел на хитрость, всех называя просто и лаконично – «солнышко» и им это нравится. Там, в этом мире разгильдяйства, была моя стихия, моя жизнь, моя свобода. Свобода, которой я наслаждался до потери пульса, вспоминая с содроганием в сердце, те три года моего затворничества. Меня всего передергивало и корежило от воспоминания этих лет, как каторжника или заключенного, закрытого в клетке тюремной камеры. Больше всего я боялся потерять ее, вновь обретенную вольность.

Вот так и жил я до тебя, час за часом, день за днем, прозябая бессмысленную жизнь в учебе, разгуле и пьянстве.

Помнишь ли ты, как мы с тобою встретились? Знаю, помнишь, ты не могла забыть. Ты всегда все помнила, все, до мелочей. Но сегодня я хочу напомнить тебе, освежить твои воспоминания, рассказав тебе, как я впервые увидел тебя.

Уйдя в отставку, мой отец создал свое предприятие занимающееся переводами иностранных текстов с русского на другие языки и наоборот. Я уже год трудился на благо обогащения нашей семьи штатным юристом. Днем я отбывал восьмичасовую каторгу, зато в остальное время суток жизнь моя была наполнена полнейшей вакханалией. Каждый вечер недели был для меня «пятницей», я наслаждался этой жизнью, наслаждался этим куражом. Ежедневно я просыпался с новым женским телом, которое с присущей мне бесцеремонностью, наглостью и нахальством склеивал в местном клубе или кабаке, оно готовило мне завтраки по утрам и варило свежий кофе. Потом я довозил ее до первой остановки, целуя на прощания со словами: «Я позвоню, тебе, солнышко». Сценарий был неизменен – каждое утро повторяло предыдущее. И мне это нравилось, меня это забавляло.

И вот, я стою в нашей местной столовой, с легким похмельем, не выветривавшимся еще после вчерашней ночи, с четкой мыслью в голове: сегодня надо лечь пораньше, а то голова скоро лопнет, пойду еще кофейка себе заварю». Мой взгляд падает на кулер, у которого стоишь ты, такая хорошенькая и миленькая, в желтой блузке с коротким рукавом и зеленой юбке ниже колен, в туфлях на высоком каблуке, твои каштановые волосы забраны в пучок на макушке, открывая твой красивый лоб. Ты наливаешь горячую воду в свою белую кружку:

– Кто это? – толкая локтем, рядом сидящего коллегу, спрашиваю я.

– Где? – отвечает мне Светка – папина секретарша, прожившая уже давно на меня глаз.

– Ну, вон, воду наливает.

– А, да это новенькая, в «американском отделе» заменяет

Таньку, ну ты помнишь Таньку? Она в декрете со вчерашнего дня.

Я увидел как ты села за свободный столик, распечатав какую-то булочку и начала пить чай: «Отлично, подумал я, вот и «новая жертва»». Адреналин наполнил мое тело, хмель и головную боль, как рукой сняло.

– Привет, – подойдя, к тебе за стол и, сев напротив, произнес я.

– Добрый день, – ответила ты.

– Меня Митя зовут, могу узнать твое имя, солнце?

– Солнце – это звезда, представляющее собой раскаленный шар в солнечной системе. Мне, кажется, я под это описание не подхожу, – сказала ты, чуть сморщив нос, – мое имя менее популярно, чем имя звезды, благодаря которой мы все живем на этой планете, ты, протянув мне руку, заявила, – Лиза.

– Ого! – сказал я, – целый урок биологии. Значит, ты у нас трудишься в «американском отделе», переводя, английские послания, – решил пошутить я.

– Да, – вежливо кивнула ты. – Как тебе первый рабочий день? Нравится работать в нашей фирме?

– Пока, я мало с кем познакомилась, практически никого не знаю, да и работаю еще несколько часов. Вообще, я слышала очень много положительных отзывов об этой фирме. Одна моя знакомая обращалась в вашу фирму, чтобы ей помогли перевести какой-то иностранный документ. Осталась всем очень довольна.

– Я рад, хорошие отзывы о нашей работе, всегда очень приятны. – сказал я, и решил переходить в наступление, секунду помолчав. – Не могу оторваться от твоих глаз, они завораживают меня. Ты знаешь, что они у тебя чарующе красивые, как два алмаза, сверкающих в пучине бездны. Да, именно так, я не преувеличиваю. Согласно преданиям алмаз являлся религиозной святыней Индии и некогда был вставлен в находящуюся в индийском храме статую Брахмы в качестве третьего глаза, но его украли. В твоих серо-металлических глазах столько же мистики и загадки, которыми хочется завладеть, как тем алмазом из индийской легенды. – хорошо сказал, подумал я, мысленно по аплодировав себе.

– Мне надо идти, – сухо сказала ты в ответ на мою красноречивую тираду, – Обеденный перерыв уже закончился.

Ты встала со стула, подошла к раковине, ополоснула кружку и вышла, не оборачиваясь, оставив меня в легком недоумении. Это все, что ты мне могла сказать? Сухое «мне надо идти»? Я сидел, напрягал свой мозг, чтоб произвести на тебя впечатление, а в ответ услышал: «Обеденный перерыв уже закончился». Что это только что было?

– Ну что, «Казанова», не поразил ты своим красноречием Лизочку, – с сарказмом произнесла Светка, подходя ко мне.

– Видели мы таких, – с ухмылкой сказал я, – даю неделю, и она за мной бегать будет как собачонка, стоит только пальцем поманить.

– Ну-ну, удачи! – с такой же ухмылкой сказала Светлана и вышла из кухни.

Но, прошла неделя и уже заканчивалась другая, а результатов не было. Прimitивные махинационные поступки в твою сторону тебя не впечатляли, ты оставалась к ним равнодушной. И охапками цветы тебе дарил, и под окнами по утрам стоял, ожидая, когда ты спустишься, чтобы вместе доехать до работы. Отвезти домой на своей супер крутой машине от которой все девушки сходили с ума, тебя я тоже пытался, но в ответ слышал: «Мне до дома идти три квартала, я и так день насиделась в офисном кабинете, я лучше пройдусь, прогуляюсь, подышу свежим воздухом». В кино тебя я тоже приглашал, при этом получив безжалостное: «Я в кино не хожу, оно меня не интересует, все современные фильмы наполнены нудными, простейшими сюжетами, кино меня не увлекает». Зато увлекала меня ты, я и сам не заметил, как эта игра мне начала нравиться, она была для меня новой, было делом чести тебя завоевать. Твоя неприступность вызывала у меня интерес. Эгоизм – вот что руководило мной в первую очередь, я не мог себе позволить быть побежденным. Я считал себя победителем по жизни, королем, императором и позволить, какой-то там девчонке, взять надо мной верх, этого я никак не мог допустить.

Был конец рабочего дня. Я увидел, как ты спускаешься по лестнице, спеша покинуть свое рабочее место, в один момент я догнал тебя.

– Домой спешишь?

– Да, – вежливо кивнула ты.

– Можно тебя проводить? Знаю, домой ты ходишь пешком, я бы тоже хотел с тобой прогуляться

– Я не против. Я хожу через парк, что на следующей улице, он прекрасен, там маленький прудик и стая ручных уток, каждый, кто проходит мимо водоема, обязательно кормит пернатых то хлебом, то булочками, а кто кинет орешки, а кто семечки. Мне нравится там ходить и наслаждаться природой и теми вековыми деревьями, что в нем растут.

И вот мы идем с тобой по твоему любимому парку, наслаждаясь теплотой осеннего вечера. Под ногами шуршит опавшая листва, расстилая, перед нами разноцветный ковер.

– Я очень люблю здесь гулять, это мое любимое место в городе. Бродя, по этому чудному островку живой природы, не тронутой человеческой корыстью, алчностью и жадностью с целью разбогатеть и озолотиться, круша и уничтожая все, что является помехой для их толстого кошелька, не щадя природное богатство и разнообразие биологических видов, утрачивая всю эту красоту.

– Но жизнь же не стоит на месте. Растет население, а с ним и города. Мы ж не в каменном веке живем среди неандертальцев и кроманьонцев. На земле двадцать первый век, век урбанизации, машиностроения и освоения космоса. Век прогресса.

– Век прогресса? Из-за вмешательства человека в естественный круговорот природы исчезают леса, моря, озера, вымирают редкие виды животных и растений. Человек безответственно относится к тому, что дала ему природа, не понимая свой смысл эволюции. Мы сами рушим свой дом, в котором, нас приютила сама земля, своим халатным, наплевательским отношением, жи-

вушей с нами на одной планете флоры и фауны. Изменения климата становится глобальной проблемой для всего человечества. Таяния вековых льдов в горах, ведет к масштабной засухе пресных водоемов. Разве это нормально? И это все дело рук человека. Он себя считает настолько могущественным, что одним движением может превратить море в лужу, осушив его.

– Я недавно был в Индии, бродил по городу и местным окрестностям. Пройдя, какую-то местную деревушку, я увидел странную картину: большой карьер, который сплошь был усыпан индийскими женщинами с кирками в руках, продавливающими землю. Я был удивлен увиденным. Придя, в свой отель, я спросил у местного индуса, что искали те женщины в земле, ответ меня поразил. Пресную воду – ответил он. Индийские ледники исчезают и по расчетам ученых, через двадцать пять лет их совсем не останется. – Я повернул голову и посмотрел на тебя с любопытством, сказав при этом, – впервые встречаю девушку, которую так волновала бы эта проблема.

– Может, ты не там ищешь, – с усмешкой сказала ты. – В мире полно девушек, озабоченных не только самими собой.

– Почему тебя так волнует эта проблема?

– Потому что я люблю все живущее на земле. Не я это все создавала, не мне и рушить. Посмотри на эти деревья, растущие в нашем парке. Мы, жители этого города, всецело зависим от них. Они дарят нам свой кислород, забирая его из земной коры и запасаясь им в своих корнях, стволах и ветвях, чтобы мы жили и дышали. Но человек, вместо благодарности уничтожает их, руша круговорот в природе, ведь в деревьях кислорода больше чем в земной коре. Мы безалаберно засоряем, все, что находится вокруг нас.

– В Дакаре, это столица Сенегала...

– Я знаю, – ответила ты.

– Так вот, там есть свалка, которая становится городом. Этаким город на свалке. Более тысячи человек нашли там свое пристанище, они перебирают мусор в душливой и ядовитой атмосфере, ведь это приносит им деньги. Случается, что они зара-

батывают больше чем государственные чиновники в Дакаре, они создают общины и платят за медицинское обслуживание, но люди из других социальных групп смотрят на них свысока.

– Мир несправедлив. Слуги мнят себя королями, глупцы – мудрецами.

– Может, зайдём в местную забегаловку, – предложил я тебе, так проголодался, слона бы съел. – Ты кивнула мне в знак согласия.

Меня вдруг осенило, когда я увидел твой заказ.

– Скажи, ты вегетарианка?

– Да, я не ем мясо из-за сострадания к животным.

– Ой, прости про слона. – Искренне извинился, – я здесь себе наказывал...

– Да ладно, я ж никого не заставляю следовать моим предпочтениям.

– И давно ты не ешь мясо?

– Лет с пяти. Однажды увидела, как моя бабушка налила в ведро воды и бросила туда только что родившихся котят нашей кошки Муськи, когда я спросила, почему она так поступила, ответ был простой: «А куда мне их, мне и одной кошки хватит, всех ведь не прокормишь, пока они слепые, легче от них избавиться». Люди поступают с животными как с собственностью. Для них, убить животное – раз плюнуть. Но, вот если так же поступают с себе подобными – убивая, насилуя, то это называется «преступление». Мы проклинаяем Сталина с его ГУЛАГом и лагерями и ненавидим Гитлера, называя его палачом и злодеем. А чем лучше скотобойни Гитлеровского Холокоста? У зверей также есть глаза, мозг, сердце, уши, они точно так же как и люди ими слышат, видят, чувствуют. Церковь нам говорит: «Не убей», но сама же игнорирует свою заповедь, ставя на стол суп из барашка.

– Но, вегетарианство вызывает белковое голодание мозга, в результате чего на всю жизнь отключается работа неокортекса, в котором концентрируется критический разум. В конце концов, сосуды мозга перестают снабжаться кровью и зажимаются, что приводит к слабоумию и раннему атеросклерозу мозга. В Сред-

ней Азии есть такая традиция – кормить женщин мясом, только во время беременности. Из-за того что поздно начали кормить белком, нейроны формируются в условиях белково-липидного голодания, что приводит к неполноценной работе мозга. Это я сам слышал от уважаемого мной доктора медицинских наук.

– Это мнение твоего доктора, позволь мне с ним не согласиться, тем более, что наши предки были травоядными и нашему желудку очень трудно перерабатывать мясную продукцию. В одной из передач про вегетарианство услышала такой пример: «Возьмите и положите ребенка в люльку яблоко и кролика, думаете, что он будет есть? Конечно яблоко, а с кроликом он будет играть».

– Может, мы и были созданы травоядными, я не спорю, но в процессе эволюции превратились, как в мясоедов, так и в травоядных, то есть являемся и тем и другим видом. Миллион лет назад наш мозг был не так развит, и поэтому для его питания нужно было меньшей затраты энергии чем сейчас. Тогда, миллиарды лет назад, нам было достаточно растительной пищи. Но, затем, древний человек, начал охотиться, он не ел зверя живым, он жарил его на костре. Чувствуешь цепочку: поймать – зажарить – съесть. У нас мозг устроен по-другому, ни таким образом как у животных, мы другие, у них нет множества полей и подполей, которые есть у человека, например, у них нет лобной функции, которая отвечает за принятие решений, индивидуальность, речь и многих других функций отличающих нас от животного. И потом, человек современный, далеко ушел от древнего человека. Как на счет генного обмена? Ведь благодаря ему, мы мужчины, имеем лобную область, которой у нас не было в самом начале нашего жизненного пути, но благодаря, вам, женщинам, она у нас появилась. Ведь изначальная ее роль была — материнская, чтобы вы могли делиться и помогать себе подобным. Попробуй-ка, у собаки отобрать пищу, которую она ест, разве ты сумеешь? Нет, она схватит тебя за руку, у животных нет этой лобной части, в отличие от человека. Мы, люди, умеем делиться, а вот животные делятся только со своим потомством. Так и в утробе матери ребенок получает информа-

цию, что мы, люди, не едим живых, но едим мертвых, предварительно приготовив животное на огне. Вот по этой причине малыш не будет есть кролика, а будет с ним играть.

– Я другого ответа и не ожидала от тебя, как оправдания своего зверства. Меня поражают люди, которые едят говядину, но отворачивают голову, видя как корову убивают. Твой мир, тот, который ты сам себе нарисуешь. Я не хочу принадлежать к миру цинизма и обмана. Давай закроем эту тему. Ешь свой антрекот.

Тема успешно была закрыта, и разговор наш перешел в другое русло. Погода, работа, увлечения — были главными темами сегодняшнего вечера. Мне было очень интересно с тобой, за разговорами я и не заметил, как за окном стемнело.

– Что ж, уже совсем темно, пора собираться домой, – сказала ты мне.

– Я тебя провожу до дома.

Дом у тебя и правда оказался совсем рядом с парком, такой старый пятиэтажный дом, их еще «хрущевками» в народе прозвали.

– Вот здесь я и живу вместе с мамой, – сказала ты мне, когда мы подошли к дому. – Еще полвека назад о квартире в этом доме мечтал каждый советский человек.

– Все свое детство я провел в точно таком же доме. Моя бабушка в шестидесятых получила от завода, на котором она трудилась, отдельную двухкомнатную квартирку. До сих пор в ней и живет. Родители предлагали купить ей что-нибудь посовременней, но она ни в какую. После коммуналки, в которой их семья — родители, она и двое братьев ютились в одной комнатке, ее маленькая квартирка, казалась ей дворцом, а отдельный душ с туалетом, так вообще вверх цивилизации. – Я сделал паузу, а потом предложил тебе, – Лиза, ты умеешь кататься на велосипеде? У меня дома висят два супер современных велосипеда, я уверен на таких ты еще ни разу не каталась, предлагаю тебе в воскресенье испробовать один из них. Как ты на это смотришь?

– С удовольствием, – улыбнулась ты.

Мы попрощались, предварительно договорившись на воскресный велотрек.